

Макарова Наталья
Романовна (балерина)

8.07.05

Наталья Макарова работает в России бесплатно

Независимая - 2005 - 8 июля - с. 6.

Советская балетная невозвращенка дружила с Матильдой Кшесинской

Майя Крылова

Беседа с Натальей Макаровой состоялась за кулисами международного балетного конкурса, в котором знаменитая прима-балерина работала как член жюри. Макарова, бывшая солистка Мариинского театра и звезда мировой сцены, не в первый раз приезжает в Россию. Незадолго до конкурса она поставила балет в Перми, причем без всякого гонорара. С этой темы началась наша беседа.

Наталья Романовна, вы только что закончили работать в Пермском оперном театре, где поставили свою редакцию «Лебединого озера». Каким вы представляете этот старинный балет?

— Не очень переделанным. Я сохранила великую хореографию белых лебедей, сочиненную Львом Ивановым, изменила только последний акт. У меня в финале балета используется другая музыка Чайковского, не та, что звучит обычно: Петр Ильич написал для «Лебединого» так много прекрасной музыки, что поставить ее целиком почти не удастся. В прологе и в части последнего акта я использовала танцы великого английского хореографа Фредерика Аштона. Я сама танцевала финал балета в аштоновской хореографии, в ней много русского, есть даже мотив хоровода. Мне всегда была ближе Одетта, чем Одиллия. Ведь я — лирико-драматическая балерина.

— И, кроме того, вы признавались, что не очень хорошо делали фуэте, а партия Одиллии их подразумевает.

— Я всегда их плохо крутила, но фуэте не определяет эту роль и вообще потенциал балерины. Майя Плисецкая никогда не делала фуэте. И Галина Уланова — тоже. Фуэте — технический трюк, который сейчас считается обязательным. Сегодня многие балерины делают двойные и тройные фуэте. Фуэте завоевало свое право на существование. В «Лебедином» его можно рассматривать как образ хлыста, которым обладает Одиллия, это знак ее характера. Но не надо делать из фуэте трюк, особенно в этом балете.

В эмиграции Наталья Макарова никогда не говорит плохо о России. Фото Дмитрия Куликова

корону русских царей. Но вы знали многих русских балетных эмигрантов...

— Я была знакома с Тамарой Карсавиной, она подписала мне свою книгу, и в дарственной надписи русские буквы сочетались с английскими. Я хорошо знала Ольгу Спесивцеву, навещала ее на ферме, которую в Америке держала дочь Льва Толстого, Александра Львовна. У Ольги до глубокой старости сохранилось удивительно одухотворенное лицо, несмотря на душевную болезнь. Она жила в своем мире, рассказывала мне о тайном

никогда не говорила плохо о стране. Наоборот, всегда выражала благодарность русской балетной школе, своим педагогам, которые дали мне путевку в жизнь.

— Приходилось читать, что, когда вы в первый раз танцевали с Рудольфом Нуреевым в Парижской опере, он нарочно вас уронил. Это правда?

— Руди нет с нами, и мне не хотелось бы плохо говорить о нем.

— Вы поддерживаете отношения с Михаилом Барышниковым?

— Да, хотя это непросто: я живу в Калифорнии, а Миша в Нью-Йорке. Когда-то он был не только моим партнером, но и шафером на свадьбе, держал корону над моей головой.

— Ходят слухи о вашем новом проекте «Наталья Макарова — мастер-класс».

— Он задумывался как танцевальный аналог мастер-класса Марии Каллас на Бродвее. Предполагалось, что вместе со мной будут участвовать Барышников и Диана Вишнева. Уже было готово забавное либретто. Но... не осуществилось. — Увидев вас за длительной беседой с Романом Виктюком, я подумала, что вы говорите именно об этом проекте. Кажется, Виктюк и должен был поставить бродвейский спектакль...

— Нет, просто мы с Романом Григорьевичем старые друзья и очень любим друг друга. Узнав, что я в Москве, он пришел меня повидать. Но в последние годы я много играю в драматическом театре, особенно в Лондоне. Последней моей работой была роль в пьесе «Неугомонный дух». Это комедия известного драматурга Ноэля Каурда. Роль никак не связана с мо-

ей профессией балерины, как случилось в некоторых моих прежних работах в театре: моя героиня Эльвира не имеет занятий у станка и не демонстрирует балетную походку. Карьеру драматической актрисы (там как раз была роль взбалмошной балерины) я начала давно на Бродвее, в спектакле «На пуантах». Я получила за эту роль премию «Тони» и Премию имени Станиславского. А когда уходила из спектакля, то рекомендовала на свое место балерину Галину Панову-Рагозину. Она, как и я, в свое время была солисткой Мариинского театра.

— Ваш муж и сын приехали вместе с вами в Москву. Кажется, они всегда рядом с вами. Говорят, что муж продал свой бизнес, чтобы не расставаться с женой-балериной во время ваших гастролей по миру.

— Я иногда смотрю на них и не верю, что рядом со мной такие громадные мужчины, просто богатыри. Я-то сама миниатюрная, как видите. Семья у нас очень дружная, но Эдвард продал бизнес не только из-за меня. Мой сын (сейчас ему 27 лет) не захотел танцевать, он занимается экономикой и антиквариатом, окончил курсы при аукционе «Кристи» и сделал диссертацию о влиянии восточного искусства на западный рынок.

— В первый свой приезд в СССР после многолетнего перерыва (был 1989 год) вы изумлялись, что у нас не глушат Радио «Свобода». Чему вы удивляетесь, приезжая теперь?

— Обилию казино и прочего западного мусора. Не понимаю, что определяет свободу. Волноваться нужно о другом.

Говорят, КГБ вынашивал планы сломать ноги мне и Нурееву

— А Татьяна Ларина из балета «Онегин» вам близка? Я имею в виду ее житейские поступки по отношению к Онегину. Или вы больше цените жертвенность Жизели?

— Я не отождествляю себя со своими ролями. Могу сказать только, что у меня не было двух одинаковых спектаклей. Каждый раз на сцене была иная Татьяна, Одетта или Жизель. На роль влияет любая деталь: с каким ощущением проснулась, какие мысли в голове. Перед «Жизелью» я всегда слушала Баха. Настраивалась на возвышенность духа. А в жизни я женщина непредсказуемая. Ничто женское мне не чуждо.

— Вы всегда опровергали историю о том, что Матильда Кшесинская подарила вам

смысле своих вышивок крестиком. Со Спесивцевой меня познакомил наш соотечественник Сергей Лифарь, тогда глава Парижской оперы.

— На Западе вышла книга бывшего сотрудника КГБ. Он рассказывает, что в недрах этой организации разрабатывались планы превращения в инвалидов Рудольфа Нуреева и Натальи Макаровой. «Предателям Родины» собирались сломать ноги. Как вы думаете, почему это не осуществилось?

— Я узнала об этом только в прошлом году. Хорошо, что тогда не ведала ничего. Почему все-таки не сломали? Не знаю. Наверно, побоялись международного скандала. Или просто не добрались. А может, передумали, потому что в эмиграции я